

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.7>

Жданов Сергей Сергеевич

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ: ПРИРОДНОЕ И ЛЕГЕНДАРНОЕ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭМЕ И. П. МЯТЛЕВА "СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ"

В статье исследуются природный и легендарный аспекты художественного пространства Германии в поэме И. П. Мятлева "Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже". Природное пространство выступает в виде облагороженного пейзажа, травестирующего образ естественного немецкого ландшафта в романтической традиции. Легендарное же, связанное с локусом Рейна, вписано в природное и проявляет амбивалентные черты на стыке немецкости и русскости. В работе также прослеживается ранее слабо представленная в литературоведении связь немецкой образности поэмы И. П. Мятлева с карамзинской традицией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 08.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.7>

В статье исследуются природный и легендарный аспекты художественного пространства Германии в поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже». Природное пространство выступает в виде облагороженного пейзажа, травестирующего образ естественного немецкого ландшафта в романтической традиции. Легендарное же, связанное с локусом Рейна, вписано в природное и проявляет амбивалентные черты на стыке немецкости и русскости. В работе также прослеживается ранее слабо представленная в литературоведении связь немецкой образности поэмы И. П. Мятлева с карамзинской традицией.

Ключевые слова и фразы: И. П. Мятлев; Н. М. Карамзин; Германия; художественное пространство; русская литература XIX века; травестийная поэма.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н., доцент

*Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск
fstud2008@yandex.ru*

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ: ПРИРОДНОЕ И ЛЕГЕНДАРНОЕ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭМЕ И. П. МЯТЛЕВА «СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ»

Травестийная поэма И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже» в момент ее выхода в свет в 1840 году имела, по свидетельству А. С. Суворина, «огромный, сенсационный успех» [7, с. VII], но впоследствии была основательно забыта читательской аудиторией. Также довольно слабо это произведение было освещено в литературоведении. Исключениями здесь являются работы О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича [9] и Ю. В. Шатина [8]. Между тем поэма И. П. Мятлева представляет собой весьма примечательное явление с точки зрения быстро развивающейся в наши дни литературоведческой имагологии, поскольку фиксирует образ Запада как Чужого в сопоставлении с Россией, т.е. Своим.

Следует также отметить, что этот образ постоянно двойится в силу амбивалентного характера нарратора. Провинциальная помещица госпожа Акулина Курдюкова, от лица которой ведется повествование, представляет собой литературную маску И. П. Мятлева, образованного и светского представителя русского высшего общества. Иногда автор позволяет себе «выглянуть» за пределы этой маски, и тогда его недалекая героиня начинает проявлять не свойственные ей познания в области искусства и даже чувства по отношению к женскому полу, формируя заодно травестийную игру маскулинного и феминного начал. Таким образом, Запад в произведении наблюдается «двумя парами глаз» [9, S. 123] – с позиций русского просветительского дискурса и ограниченно-обывательского взгляда провинциалки. В последнем случае «сопоставление» образов «тамбовской барыни» и «западноевропейской культуры» [7, с. VI] выступает одним из источников комического эффекта в произведении. При этом двойственность порождается еще и тем, что взгляды на западное, высказываемые Курдюковой, могут быть отнесены к позиции не только провинциального дворянства, но и части столичного общества, придерживавшегося консервативных позиций в рамках официальной «суваровской» концепции народности. Наконец, амбивалентность затрагивает саму русскость героини. «Российская дворянка», в гербе и фамилии которой присутствует «курдюк» (от тюркского «хвост»), сама признается, что ее прадед был «*эн дюк*, *эн* начальник над стадами, что с большими курдюками, там... *ше ле* киргиз...», а дедушка был «записан офицером у линейных казаков» [3, с. 21-22]. В результате Курдюкова воплощает в себе амбивалентный, «полуазиатский» образ России с точки зрения Запада [6]. Как замечает И. Нойманн, в условном западноевропейском культурном сознании XIX в. «тема “варвара у ворот”» относительно русскости всегда «усиливалась акцентом на мусульманских и, следовательно, “азиатских” национальных меньшинствах внутри России, и эти меньшинства служили синекдохой, подчеркивающей азиатскую природу России в целом» [4, с. 129]. В результате в хронотопе «Сенсаций...» амбивалентная неопределенность, кажимость и игра становятся «мирообразующими» факторами. Одно переходит в другое: высокое в низкое, русское в западное (в том числе в языковом плане, для которого характерно смешение русских, французских, немецких слов), даже дворовая девка Анна превращается в гостиничной книге в «компаньонку Анет» [3, с. 21]. Это мир вавилонского смешения языков и народов, мир кочующих по странам туристов различных национальностей: русских, немцев, англичан, французов и т.п., которые выдают себя не за тех, кем они являются, когда ведущий себя в Италии как граф может оказаться французским парикмахером, а какой-нибудь русский военный записывает себя «императорским лейтенантом» («*лиетенан де л'амперёр*») [Там же, с. 18]. В общем, произведение характеризуется «отказом от установки на целостность стиля и заменой целостности коллажным построением сюжета и такой же коллажной компоновкой языкового материала» [8, с. 263].

Далее в рамках этого исследования мы сосредоточим внимание на одном из конституэнтов образа Запада, а именно образе Германии в его природном и легендарно-фантастическом аспектах. Говоря о первом, следует заметить, что Курдюкова отнодь не ценительница дикой природы. В этом плане травелог выступает как противоположность сентименталистскому и романтическому дискурсу. Идиллические радости сельской жизни,

являющиеся, например, предметом восторгов русского путешественника Н. М. Карамзина, непонятны мятлевской героине, по этой причине негативно, даже с использованием просторечий отзывающейся о патриархальном Шварцвальде: «Чуть совсем я не рехнулась... надоели так, что страх, эти сцены жизни сельской. <...> ...мне несносны деревушки, пастухи, стада, пастушки. *Се тре бон пур лез идиль...*» [2, с. 169-170]. По сути, здесь нарратор выступает как антикарамзинист, эксплицитно противопоставляя бытовую сельскую жизнь литературной идиллии («*лез идиль*»). Описания Курдюковой нарочито приземлены, причем животное начало в них явно доминирует над человеческим: «...бедность, неопрятность, стужа. То корова просит мужа: то кричат: “куда, куда” куриц целые стада: “ме” баран кричит и бродит; спор с собакой кот заводит, вор идет, или монах...» [Там же, с. 169]. Здесь Курдюкова выступает в ипостаси представительницы западной цивилизации, «европейской мадам», которая «привыкла к городам» и желает, «чтоб отели английский комфорт имели и в прислугах, и в белье...» [Там же, с. 170]. Шварцвальд здесь травестирован до роли анклава не-цивилизации («...*фламбо* (светоч. – С. Ж.) цивилизации не сиял для этой нации» [Там же, с. 172]), своего рода «анти»-Германии. В этом *анти*образе отрицаются свойственные «настоящей», т.е. привычной для русских путешественников, Германии чистота и порядок. Если в произведении город Мангейм характеризуется как «чистенький» [Там же, с. 141], а Франкфурт – «аккуратный, как с иголки» [Там же, с. 118], то в Шварцвальде «неопрятность» [Там же, с. 169]; «мебель, зеркала, каминны неопрятны...» [Там же, с. 172]. Если в бывших ганзейских (современно буржуазных) землях отмечается даже чрезмерная любовь немцев к насаждению порядка, который обеспечивает полиция: «...славных полицейских подобрали... *Ле режим муниципаль* только в городе годится, но когда распространится в государстве, – *се фини!* Ты оглобли поверни...» [Там же, с. 64], – то в аграрном Шварцвальде все маркировано признаками старости («старые, плохие зданья»), нерегулярности («строены все кое-как, не по плану» [Там же, с. 172]). Если в торговом Франкфурте швейцары, «лонлакеев батальоны» и «гарсоны как амуры в завитках» [Там же, с. 118], то в Шварцвальде одетые «как крестьянки, без турнюра, без осанки» «девки или бабы» [Там же, с. 170] «иногда и босиком», «незнакомые с языком» [Там же, с. 171]. Негативные коннотации присущи и глуттоническим описаниям в крестьянском Шварцвальде, столь важным для травестийного, физиологически-сниженного повествования: «Кушай ложкой оловянной из посуды деревянной. Кроме молока, яиц, масла и домашних птиц не проси... Даже кофе из цикорья здесь на редкость, а вино укусом не названо из учтивости...» [Там же, с. 172].

В нарративе Курдюковой, таким образом, происходит «полюемическое противопоставление» «понятию красоты как “незаинтересованного наслаждения” представления о той же красоте как результате созидательного и полезного влияния человека на неорганизованную природу» [9, S. 120]. Вот почему «виды» Шварцвальда героиня оценивает как «туда-сюда» [2, с. 172], а пейзаж в окрестностях Гамбурга вызывает у нее восхищение: «...что тут за прекрасный вид! Города везде, селенья, Эльбы, Везера течение...» [Там же, с. 38]. Следует отметить, что «ухоженность», «приглаженность» немецкого пространства в целом характерна для его описаний в русской литературе [10, S. 120]. Однако нельзя сказать, что именно И. П. Мятлев был первым, кто описал «рукотворность» германских пейзажей [9, S. 120]. Сходные описания окультуренных локусов мы встречаем в сентименталистском дискурсе у Н. М. Карамзина («открылся мне Дрезден, на большой долине, по которой течет кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной стороне реки, и величественный город, и обширная плодородная долина, составляют великолепный вид» [1, с. 51]).

Сходным с карамзинским текстом выступает в поэме И. П. Мятлева мотив городского сада/парка. В сентименталистском дискурсе садово-парковое искусство выступает воплощением природы, введенной в сферу человеческой цивилизации. Это место отдыха, а также воспоминания о потерянном рае или даже возвращении в адамическое бытие. Курдюкова тоже часто упоминает германские парки. Так, «во всех городах ганзейских» [2, с. 64] «прогулки на бульварах» «как парк» [Там же, с. 63]. В Баден-Бадене из немногих, понравившегося героине, упоминается «сад чудесный» [Там же, с. 163]. Символом гармонии, мирной жизни выступает локус сада в Гамбурге и Франкфурте. Взамен пространству, связанному с войной, насилием («фортрессы, бастионы, палисад»), гамбургцы получают «прекрасный сад»: «...все дорожки, все боскеты, клумбы, лавочки, генгеты...» [Там же, с. 32]. Аналогичным образом во Франкфурте, где «прежние *ле бастион* срыл мусье Наполеон», сделали «сад красивый»: «...*де пруды, де бан зан плани* для гулянья *ле димани*. Целый город окружает этот сад...» [Там же, с. 131]. Впрочем, образ райского сада снижается мотивом упорядоченности немецкого бытия, в котором удовольствием выделяется строго отведенное время и место: «...в нем гуляет немец в табельные дни, в будни ж – Боже сохрани!» [Там же]. «Славный парк, красив и важен», также окружает дворец в Мангейме: «...*де деревья манифик*; луг, дорожки и *ла диг* вид прекрасный представляет» [Там же, с. 145]. Но он пустынен («гуляющих здесь нету») опять по причине подчинения немцев принятому порядку: «...знать, противно этикету в Мангейме де промене. Не встречались люди мне ни на улицах, ни в саде...» [Там же].

Отрица карамзинские идиллические восторги по поводу аркадской жизни на лоне природы, Курдюкова, оказывается, вовсе не чужда восхищению «облагороженной» Naturой, правда, в сниженной, утилитарной форме, что проявляется в образах виноградника и рейнвейна. Русский путешественник Н. М. Карамзина любуется по дороге из Франкфурта в Майнц растущими вдоль Рейна «виноградными садами, которых нельзя обнять глазами» [1, с. 90], и Курдюкова, плывя на пароходе по Рейну, отмечает в окрестностях Иоганисберга, что тот здесь «суровость всю отверг»: «Берега здесь изменились: виноградники явились, где *ле бон* рейнвейн растет, и чем далее вперед, тем красивей положенья. Всюду города, селенья...» [2, с. 107]. С Рейном в тексте мятлевской поэмы связаны в основном положительные коннотации. Он называется «величавым», «давно гремящим славой» [Там же, с. 91]; «между реками знатным», «всех более приятным» [Там же, с. 92];

«роскошным» [Там же, с. 111], «роскошно» протекающим [Там же, с. 131]. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич видят в этом «рудименты» «особого эмоционального настроения, еще очевидные в выборе объектов описания» [9, S. 120]. Но эстетическое у героини, по логике травестики, связывается с глоттоническим, виды Рейна – с рейнвейном: «Кто его (Рейн. – С. Ж.) не проходил? Кто его вина не пил? <...> Назовет кто только Рейн, тот всегда прибавит вейн...» [2, с. 91-92]. Впрочем, карамзинский травелог тоже фиксирует эту ассоциативную пару реки и вина. Более того, в гедонизме русский путешественник превосходит героиню Мятлева: «Все пили рейнвейн как воду. <...> Мысль, что пью рейнвейн на берегу Рейна, веселила меня как ребенка. Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, подчивал сидевших подле меня, и был доволен как царь» [1, с. 91].

Негативные оценки Рейна возникают лишь там, где Курдюкова сталкивается с «суровостью» реки, с Рейном «гор и руин» [2, с. 107]. По мнению О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича, здесь «еще одна константа романтического первообраза Германии, традиционный объект восхищения русских романтических путешественников, немецкий ландшафт», переосмысливается Курдюковой с позиции «прагматического, меркантильного мотива пользы» [9, S. 120]. От себя заметим, что эта литературная традиция может быть выведена и из более раннего, сентименталистско-предромантического дискурса Н. М. Карамзина, герой которого то и дело восхищается полуразрушенными средневековыми замками. Действительно, ценительница урбанистической цивилизации Курдюкова не понимает восторга окружающих от открывающихся диких пейзажей, чье эстетическое воздействие уподобляется (возможно, не без влияния смысловой пары «Рейн – рейнвейн») опьянению («хмелю»): «Тут все горы близ Нейвида. В восхищении от вида, пассажиры, как в хмели, все кричат: “Ком се жולי! Ком се бо!” А что такое? Горы лишь – не что иное. <...> Отчего всем так приятен вид крутых, скалистых гор и руин? – Это вздор...» [2, с. 98]. Происходит десакрализация романтического пространства. «Риги и овины» оказываются полезней руин, в которых нет «прока»: это травестийный «дом без крыши, без окошек», пространство нечеловеческое («не для людей», «для кошек или для крыс») [Там же]. Строительство в горах объявляется глупостью с современной житейской точки зрения: «И какой же дуралей их хозяин – так высоко... их построил, и к чему? Чтоб не ездили к нему, чтоб его не навещали. <...> А для их для *доместик* каково было спускаться к Рейну за водой?» [Там же, с. 98-99]. Сам романтический образ рыцаря снижается, уподобляется образу животного: «Как медведи знать живали рыцари *де танз-антик*...» [Там же, с. 99]. Образ замка как утилитарной бессмыслицы в поэме воплощает также поставленный «превысоко» «*ле форт Эренбрейтенштейн*»: «К чему служит... *нихт ферштейн!* <...> ...не нужен он... Неприятель не возьмет... Обойдет, и остался благодетель, как сова в гнезде, свидетель всей отваги боевой...» [Там же, с. 97]. Отметим и орнитологическую метафору, уподобляющую хозяина замка сове.

Наконец, в пространстве рейнского «интертекста» актуализируется «еще один устойчивый элемент романтического литературного путешествия – изложение легендарно-мифологической истории Германии» [9, S. 121]. Этот хронотоп авантюрно-фантастический, лишь весьма условно связанный с исторической эпохой Средневековья (временным маркером его являются обстоятельства «встарину» и «на старый лад» в связи с «*ле лежанды, ле баллад*») и населенный столь же условно-обобщенными персонажами: «рыцари и ле-контес», «волшебник лысый бес», «красавицы молодые», «разбойники лихие» [2, с. 99]. Травестирование легендарного сюжета осуществляется разными способами, например, как в случаях описания руин или легенды о святой Урсуле, посредством смещения авантюрного и бытового, житейского смыслов. Завязка истории о двух братьях, влюбившихся в «прекрасивую принцессу» и решившихся для определения более достойного ее отправиться в Палестину убить «турку» [Там же, с. 100], если абстрагироваться от манеры изложения, чем-то напоминает изложенную Н. М. Карамзиным легенду о графе Глейхене и его двух женах. Но конец этой истории ближе к бытовому анекдоту: принцесса достается другому, сумевшему ее увезти, пока братья были в походе, а те, оставшись в одиночестве, строят «на готический манер» «замка два на двух горах» [Там же], что вновь актуализирует травестийный контекст образа горного замка. В случае с историей о девице и Драконе И. П. Мятлев вводит сравнения, с одной стороны, делающие «чужой» сюжет «своим», а с другой – порождающие комический эффект: девица характеризуется «милей всех девиц Бахчисарая», а Дракон – «сходным яростью с Мазепой» [Там же, с. 101], что отсылает читателя к миру пушкинских произведений. Кроме того, немецкий горный локус (скала Драхенфельс) контаминируется с «дремучим лесом» и «пучиной вод» [Там же, с. 102], в который исчезает пораженное Божьей силой чудовище, т.е. со «своим, обжитым миром русской волшебной сказки», которая «органично адаптирует» рейнскую легенду «к русскому национальному сознанию не как чужеродный, а как интимно близкий, свой собственный мир» [9, S. 122]. Сходным образом трансформируется образ Лорелеи-Лурлей, называемой Курдюковой «рейнской русалкой», «преплутовкой, пренахалкой» [Ibidem, S. 103]. Она ведет себе скорее подобно русской нечисти со своими жертвами: «...щечочет, резвится, поет, хохочет, пока жизни не лишит» [Ibidem, S. 104]. Наконец, легенда о Мышиной Башне, Мейзе-турм, связывается с посвященной ей балладой Жуковского, как бы подытоживая мотив объединения немецкого и русского начал. Здесь, пожалуй, уже берет слово сам автор, выходя за границы литературной маски Курдюковой. Дело в том, что сама героиня, как было сказано выше, не в восторге от романтически-неутилитарного пространства гор и руин, однако в данном эпизоде внезапно советует «мусье Жуковскому» «погулять» «для здоровья» здесь, «меж гор и меж руин», и набраться нового вдохновения: «...он набрался б, *ж’имажин*, много новых энспираций» [2, с. 106].

Итак, травестийный образ Германии в поэме И. П. Мятлева в ее природном и легендарном аспектах во многом отталкивается от образа, созданного в рамках сентименталистского и романтического дискурсов русской литературы. В одних моментах мятлевская Германия противопоставлена Германии сентименталистской

и романтической, что выражается в травестии аркадских идиллических мотивов сельской жизни, а также дикой природы. В других случаях пространственные образы, описываемые Курдюковой, пусть и в сниженно-утилитарной форме, следуют литературной традиции сентиментализма (локусы облагороженной природы: парки, сады-виноградники). Легендарный же аспект в немецком пространстве сосредоточен в основном в рамках рейнского интертекста, в который автор вводит бытовые мотивы, а также образы волшебной русской сказки, объединяя в авантюрном хронотопе маркированные немецкостью и русскостью элементы.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 716 с.
2. Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2-х т. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 1. 394 с.
3. Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2-х т. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 2. 357 с.
4. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 335 с.
5. Погодин М. П. Год в чужих краях (1839): в 4-х ч. М.: Типография Н. Степанова, 1844. Ч. 4. 230 с.
6. Рахимов Р. Н. Западные мифы о народах России [Электронный ресурс] // Москва. 2014. Ноябрь. URL: http://moskvam.ru/publications/publication_1205.html (дата обращения: 07.04.2018).
7. Суворин А. С. Предисловие // Мятлев И. П. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже: в 2-х т. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. Т. 1. С. III-XXVII.
8. Шатин Ю. В. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею: дан л'этранже»: травестия травелога // Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты: сборник научных работ / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013. С. 260-271.
9. Lebedeva O. B., Januškevič A. S. Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 S.
10. Neumann F. W. Deutschland im russischen Schrifttum // Die Welt der Slaven. 1960. H. 2. S. 113-130.

**IMAGE OF GERMANY: NATURAL AND LEGENDARY SPACES IN THE POEM BY I. P. MYATLEV
“SENSATIONS AND COMMENTS BY MADAME KURDYUKOVA ABROAD, DANS L'ÉTRANGER”**

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk
fstud2008@yandex.ru

The article studies the natural and legendary aspects of the literary space of Germany in the poem by I. P. Myatlev “Sensations and Comments by Madame Kurdyukova Abroad, Dans L’etranger”. The natural space is in the form of refined landscape that travesties the image of the natural German landscape in the romantic tradition. The legendary space connected with the Rhine locus is inscribed in the natural one and shows ambivalent features at the junction of the German and Russian characters. The work also shows the relationship of the German figurativeness of the poem by I. P. Myatlev with Karamzin tradition previously weakly represented in literary criticism.

Key words and phrases: I. P. Myatlev; N. M. Karamzin; Germany; literary space; Russian literature of the XIX century; travesty poem.

УДК 82; 394.34

Дата поступления рукописи: 06.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.8>

Статья посвящена исследованию лесных персонажей чувашского фольклора. Материалом служат фольклорные тексты, в которых так или иначе упомянуты данные персонажи. Чувашки верят в лесных духов сильнее, чем в каких-либо других. Актуальность исследования видится в том, что все персонажи, которых мы отнесли к лесным, обладают общим набором признаков. Сказанное позволяет говорить о специфической полиномичности некоего лесного персонажа («лешего»). Проблема, поднятая в данной работе, наблюдается и в отношении лесных персонажей марийского и татарского народов.

Ключевые слова и фразы: чувашский фольклор; лесные персонажи; дефиниции названий; схема описания; внешний вид.

Ильина Галина Геннадьевна, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
galii69@mail.ru

ПЕРСОНАЖИ ЛЕСА ЧУВАШСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Научное изучение демонологических персонажей и принципов их номинации стало одним из интересных направлений в этнолингвокультурологических штудиях второй половины XX века. Разностороннее историко-культурологическое и этнолингвистическое изучение демонологических представлений, демонических духов